

На правах рукописи

КИРИЛЛОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**ОСОБЕННОСТИ ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА XVII-XVIII ВЕКОВ**

Специальность 10.02.03 – славянские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2010

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: кандидат филологических наук
Скорвид Сергей Сергеевич

Официальные оппоненты: **Нещименко Галина Парфеньевна**
доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник Отдела славянского
языкознания Института славяноведения РАН

Вернер Инна Вениаминовна
кандидат филологических наук,
доцент по кафедре ЮНЕСКО ГОУ ВПО
«Московский государственный институт
электронной техники (технический
университет)»

Ведущая организация: **ГОУ ВПО «Воронежский
государственный университет»**

Защита диссертации состоится «__» _____ 2010 года в __:__ на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Автореферат разослан «__» _____ 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е.В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Вопросы, связанные с изучением истории литературных славянских языков и их типологией, приобретают в современной славистике все большую актуальность. Среди различных моделей развития литературных славянских языков особый интерес вызывает чешская модель, которая на многих этапах, при всей ее типологической исключительности и исторической драматичности, была чрезвычайно влиятельной по меньшей мере в рамках западнославянского региона. Вместе с тем различные периоды развития чешского литературного языка изучены неодинаково. Многочисленные исследования чешских и зарубежных богемистов, в том числе российских ученых, были посвящены древнечешскому языку (до 1500 г.) и далее литературному чешскому языку в эпоху Гуманизма (XVI – начало XVII в.), в период чешского национального возрождения (конец XVIII–XIX в.) и в новейшее время (XX – начало XXI в.). Лишь относительно немногие ученые обращались к проблематике чешской письменности «среднего» периода между столетием расцвета старочешского и кодификацией новочешского литературного языка. Это и не удивительно, поскольку ввиду идеологических установок кодификаторов XIX в., давших начало устойчивому впоследствии восприятию, данный период «межвременья» представлялся или преподносился как не заслуживающий внимания языковеда. В последние несколько десятилетий, однако, наблюдается заметное оживление интереса к этому до сих пор слабо изученному периоду, обстоятельное исследование которого, бесспорно, прольет новый свет на историю литературного языка у чехов и, возможно, потребует пересмотреть ряд принципиальных моментов традиционной концепции его развития.

Изучению особенностей чешского литературного языка XVII–XVIII вв. посвящено также настоящее диссертационное сочинение.

Хорошо известно, что осуществленная в XIX в. кодификация чешского литературного языка базировалась на трудах Йозефа Добровского, в первую очередь на его «Подробной грамматике чешского языка» (1809), где автором был обстоятельно описан язык «золотого века» чешской литературы, каким

виделось столетие до разгрома антигабсбургского восстания чешских сословий в битве у Белой Горы в 1620 г. Состояние же чешской литературы и литературного языка в так называемый побелогорский период Й. Добровский, напротив, расценивал как «упадок». Между тем в настоящее время уже не вызывает сомнения, что на протяжении всего этого периода вплоть до конца XVIII в. в Чехии существовал и продолжал естественно развиваться некоторый культурно-письменный идиом, опиравшийся в своих истоках на все тот же язык «золотого» XVI века, но вбиравший в себя также многие элементы живого чешского языка своей эпохи и в этом смысле, можно сказать, демократизирующийся. Изучение этого идиома и ставит своей сверхзадачей данное исследование.

Актуальность темы настоящей диссертации определяется в первую очередь ее недостаточной изученностью. Безусловно, следует положительно оценивать тот факт, что в современной чешской богемистике уделяется все большее внимание языку, литературе и культуре побелогорского периода. Так, под редакцией М. Сладека к настоящему моменту выпущены три сборника поэтических и прозаических текстов барочной литературы; в 2007 г. увидела свет монография О. Коупила, посвященная чешской грамматологии в период с 1533 по 1672 г.; в пражском Карловом университете ученики и последователи проф. А. Стиха (А. Фидлерова, М. Бекешова и др.) продолжают работу по созданию единого «репертория» чешских рукописей XVII–XVIII вв.; в Южночешском университете в г. Ческе-Будеёвице под руководством М. Янечковой, Я. Алексовой и В. Поспишиловой развернут проект, направленный на изучение чешского языка и стиля в эпоху барокко. Тем не менее лишь в немногих работах затрагивается собственно лингвистический аспект исследования литературного языка у чехов в побелогорский период. В этой связи настоящее диссертационное сочинение может внести свой вклад в дело всестороннего изучения литературного чешского языка XVII–XVIII вв.

Целью данной работы является характеристика фонетических и морфологических особенностей литературного чешского языка в XVII–XVIII

вв. на материале рукописных и печатных текстов, созданных на территории Чехии.

Постановка вышеозначенной цели предусматривает решение следующих **задач**:

1. выявление и описание фонетических и морфологических особенностей литературного чешского языка XVII–XVIII вв., наблюдаемых в выбранных для анализа литературных памятниках данного периода;

2. оценка этих явлений с учетом сведений о них, содержащихся в грамматических сочинениях XVI–XVIII вв. и в исторических грамматиках чешского языка, написанных в XIX–XX вв.

3. изучение встречаемости отдельных явлений с определением их количественного соотношения;

4. характеристика функционирования выявленных специфических особенностей чешского литературного текста в XVII–XVIII вв. в их совокупности и взаимосвязях, их оценка с точки зрения релевантности для литературного чешского языка анализируемого докодификационного периода.

Объект исследования представляют фонетические и морфологические особенности языка памятников чешской письменности побелогорского периода. Именно фонетическая и морфологическая системы чешского литературного языка подверглись в рассматриваемые два века наиболее значительным изменениям, и в первую очередь именно в устранении их результатов заключалась кодификация новочешского литературного языка в эпоху национального возрождения. Соответственно при изучении языка чешских памятников XVII–XVIII вв. мы обращали внимание прежде всего на эти морфологические и фонетические элементы, вытесненные кодификацией XIX в. из литературного чешского языка и оставшиеся принадлежностью исключительно диалектов или сформировавшегося в XIX–XX вв. наддиалектного образования, известного под названием *obecná čeština* (обиходно-разговорный чешский язык).

Материал исследования был собран путем непосредственного изучения

текстов по имеющимся изданиям, в том числе в ходе работы в Славянской библиотеке Карлова университета (Прага), Хрудимском краеведческом музее (Хрудим) и Клатовском краеведческом музее (Клатовы); привлекались также данные диахронической части Чешского национального корпуса (DIAKORP) и других общедоступных источников из сети Интернет. В диссертации исследуется язык различных по стилю и жанру (пьесы, интермедии, проповеди, книги о приуготовлении человека к смерти, автобиографии, хроники и др.) печатных и рукописных памятников XVII–XVIII вв., созданных в разных областях чешских земель. Всего было изучено 26 текстов, а именно:

- Фр. Коцманек: семь интермедий и «Акт благочестивый о рождении сына Божьего...» (*Actus pobožný o narození syna Božího...*);
- «Первейшая христианского человека забота...» (*Přední křesťanského člověka starost...*) – фрагмент;
- «Зерцало благочестия истинно христианского...» (*Zrcadlo pobožnosti pravokřesťanské...*) – фрагмент;
- А.М. из Отрадовиц: «Чешская марианская музыка» (*Česká mariánská muzika*) и «Лютня чешская» (*Loutna česká*) – фрагменты;
- «Источник жизни для счастливой смерти...» (*Fons vitae felici morte...*) – фрагмент;
- Б. Бридель: «Что Бог? Человек?» (*Co Bůh? Člověk?*);
- «Утешение болящим...» (*Solamen aegrotantium...*) – фрагмент;
- М.В. Штейер: «Постилла католическая, на две части разделенная...» (*Postilla katolická na dvě části rozdělená...*) – фрагмент;
- Б.Й. Биловский: «Новый херувим...» (*Nový cherubín...*);
- П.Ш. из Тынца: «Глас вопиющего в пустыне...» (*Vox clamantis in deserto...*);
- «Различные покаянные мысли...» (*Rozličné kající myšlinky...*);
- М. Дамасцен: «Троякий хлеб небесный...» (*Trojí chléb nebeský...*) – фрагмент;
- О.Ф. де Вальдт: «Проповедь о святом Вацлаве...» (*Kázání o svatým*

- Václavu...*) – фрагмент;
- М. Пруггер: «Книга поучений и примеров...» (*Knihá naučení a příkladův...*) – фрагмент;
 - К. Хоценский: «Достопамятная книжечка...» (*Libellus memorabilium...*);
 - Й. Церегети: «История Хрудимская...» (*Historya Chrudimska...*);
 - В.Э. Ленгарт: «Опытное поучение по весьма необходимому в наши времена посеву лесов...» (*Zkušéné naučení k velmi potřebnému již za našich časů osetí lesův...*);
 - А. Мюллер: «Весьма полезная для утешения больных и умирающих книжка...» (*Velmi vžitečná k vtěsse Nemocných, a Vmjragjých Knjžka...*).

Хронологически анализируемые тексты охватывают период со второй половины XVII в. до 1796 г. Большинство из них изучалось по критическим изданиям с транслитерацией текста средствами современной чешской графики (при сохранении фонетических особенностей источника); лишь некоторые памятники были доступны для изучения в оригинальной графике, что позволило также учитывать ее особенности при анализе фонетических и морфологических явлений.

Научная новизна настоящего диссертационного сочинения обусловлена принципиально новым подходом к изучению чешского литературного языка XVII–XVIII вв., на основе которого был проведен комплексный анализ его фонетических и морфологических особенностей с их последовательной системной оценкой.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней рассматриваются важные для истории и теории языка вопросы, связанные с самим понятием литературного языка, его стилистической, жанровой и территориальной дифференциацией, механизмами языкового развития, соотношением нормы и кодификации, соотношением устного и письменного узуса, проблемой языковой релевантности.

Научно-практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты дают основания для пересмотра некоторых положений

существующей концепции развития чешского языка, что предполагает корректировку соответствующих разделов общих курсов истории и диалектологии чешского языка, введения в славянскую филологию и др.

Методика исследования определяется поставленными в нем целями и задачами. Анализ фонетических и морфологических особенностей осуществляется на основе сплошной выборки материала изучаемых текстов. При изучении языкового материала в диссертации используется сравнительно-исторический метод в сопряжении с системно-структурным применительно к синхронному срезу в диахронии. Анализ изучаемых фонетических и морфологических особенностей осуществляется с привлечением данных грамматических трудов XVI–XVIII вв. В некоторых случаях вычисляется процентное соотношение старых и новых форм.

Структура диссертации. Настоящее диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** намечается общая проблематика исследования, определяются его цели и задачи, а также дается подробная характеристика описываемого материала.

Глава 1 «Состояние литературного чешского языка в XVII–XVIII вв. в оценках чешских и зарубежных ученых» содержит детальный анализ взглядов чешских и зарубежных (в том числе российских) лингвистов на проблематику состояния языка в изучаемый период; при этом принимаются во внимание работы ученых с конца XVIII в. вплоть до настоящего времени. Необходимость в таком обзоре научных трудов продиктована тем, что исследований, касающихся данной проблематики, заметно меньше, нежели работ, затрагивающих историю чешского языка в предшествующую и последующие эпохи. Тем не менее даже эти немногочисленные работы позволяют выявить основные тенденции и спорные места, проявляющиеся при трактовке состояния чешского литературного языка в побелогорский период. В главе поэтапно прослеживается эволюция взглядов разных ученых на характер

этого периода, обращается особое внимание на бывшее некогда краеугольным камнем, а в последнее время ставшее скорее камнем преткновения при его интерпретации понятие «упадок», восходящее к рубежу XVIII–XIX вв.

Известно, что после поражения восстания чешских протестантских сословий в битве у Белой Горы в 1620 г. в результате усиления габсбургского абсолютизма и контрреформации в Чехии произошло постепенное вытеснение литературного чешского языка из важнейших политических и социальных сфер и далеко идущее ограничение его функций. По «Обновленному земскому уложению» 1627 года немецкий язык был приравнен к чешскому в делопроизводстве и в суде; также во всех других областях жизни чешского общества той поры заметно проявлялась тенденция германизации. В качестве языка единственной легализованной в стране католической церкви, образования и науки выступала латынь. В литературном творчестве применение чешского языка значительно сузилось.

На последующем этапе деятели национального возрождения стали оценивать такое положение литературного чешского языка и, шире, чешской культуры в побелогорский период как упадок. Само это определение впервые употребил Й. Добровский в своем монументальном, написанном по-немецки труде «История чешского языка и литературы» (1792). Завершающая его глава, посвященная указанному периоду, была названа автором *Die böhmische Sprache geräth in Verfall*, что на чешский традиционно переводится как *Úpadek české řeči* (букв. «Упадок чешской речи»). Под словом *Sprache*, однако, Й. Добровский явно подразумевал прежде всего литературу и книгоиздание. В частности, он констатировал: «После 1620 года хотя и выходили различные сочинения, но по большей части это были переводы с латыни и немецкого, перепечатки более ранних догматико-полемиических и моралистически-аскетических книжек». В отношении же собственно языка и науки о языке он замечал: «Есть у нас и языкознание в XVII веке». Эти выдержки дают основание заключить, что Й. Добровский называл «упадком», во-первых, сокращение объема новой оригинальной печатной продукции, а во-вторых, снижение ее языковой

культуры, которому старались противодействовать грамматисты XVII в., но не само состояние живого эволюционирующего литературного языка побелогорской поры. Ведущий представитель младшего поколения деятелей чешского возрождения Й. Юнгман вслед за Добровским также указывал на то, что литература, издаваемая после 1620 г. иезуитами, была по большей части переводной и носила догматический, полемический или моралистически-аскетический характер.

Новая трактовка состояния чешского языка и литературы в побелогорский период представлена в исследованиях первой половины XX в. Совершенно иначе расставлены акценты в труде Б. Гавранека «История литературного чешского языка» (1936). Именно с этого новаторского исследования началось распространение понятия «упадок», ранее относившегося к падению объема и качества чешской литературно-языковой продукции после 1620 г., на состояние самого чешского литературного языка в побелогорский период. Эта оценка надолго закрепились как в чешской, так и в российской богемистике в качестве главенствующей.

Тем не менее уже в первой трети XX в. в Чехии начинают появляться труды, посвященные литературе побелогорского периода, в которых оспаривается утверждение об упадке побелогорской (барочной) чешской литературы. Заметный вклад в изучение чешской литературы барокко внесли литературоведы З. Калиста и Й. Вашица; защитником языка неэмигрантской чешской литературы выступил также А. Новак.

Альтернативный традиционному взгляд на историю чешского языка XVII–XVIII в. в Чехии получил более широкое распространение только в последней трети XX столетия. Важную роль в продвижении новой концепции внесли такие видные чешские языковеды, как А. Камиш, посвятивший монографию изучению лексического состава чешской публицистики XVIII в., Фр. Копечны, обративший внимание на прогрессивный характер чешской грамматики XVII в., и Фр. Цуржин, который, указывая на скудость источников сведений о чешском языке побелогорского периода, поставил под

сомнение традиционное представление об «упадке» литературного языка.

Заметный прорыв в области изучения чешского языка в период до кодификации Й. Добровского был совершен после опубликования в 1991 г. статьи А. Стиха «Об истоках современного чешского литературного языка», в которой автор высказал во многом революционную точку зрения на проблему «упадка» чешского литературного языка в докодификационный период. Язык религиозной и исторической литературы этой поры А. Стих интерпретировал как устоявшийся код, «который представляет собой продолжение более старого литературного языка эпохи гуманизма с определенным количеством инновационных явлений», по большей части также восходящих еще к языку добелогорского периода. Кроме того, одним из первых чешский исследователь допустил потенциальную возможность того, что кодификация чешского литературного языка могла бы осуществиться не по модели Й. Добровского, а на основе живого языка.

Активными продолжателями идей А. Стиха стали чешские лингвисты П. Сгалл и И. Гронек, авторы фундаментального описания обиходно-разговорного языка «Чешский язык без прикрас» (1992), а также немецкий славист Т. Бергер, посвятивший ряд своих работ чешскоязычной письменности XVII–XVIII вв. в восточнечешском городе Хрудим. Вслед за А. Стихом и другими учеными также Д. Шлосар и Р. Вечерка в новейшем обобщающем исследовании «Литературный язык в истории чешского общества» (2009) утверждают, что характеристика побелогорского периода как времени упадка литературного чешского языка является упрощенной. При описании его состояния в эту эпоху названные авторы пользуются термином «регресс».

Долгой и сложной была эволюция взглядов на побелогорский период истории чешского языка в российской славистике. В XIX в. русские ученые черпали сведения о состоянии чешского языка на протяжении полутора столетий, предшествовавших эпохе национального возрождения, из трудов Й. Добровского, Й. Юнгмана и др. Следует отметить, что их интерес к чешскому языку имел по преимуществу славянофильскую окраску, как это

предельно ярко проявилось к концу XIX в. в капитальном двухтомном сочинении русского языковеда, работавшего в Варшавском университете, А.С. Будиловича «Общеславянский язык, в ряду других общих языков древней и новой Европы» (1892). Все еще целиком с позиции Й. Добровского, но при этом с элементом типичного для ее российской рецепции в XIX в. «сгущения красок» в картине немецкого и католического давления на побелогорский чешский, также Н.С. Трубецкой в статье 1927 г. характеризовал XVII–XVIII вв. как «период упадка чешской традиции, когда чешский язык влачил жалкое существование в немногочисленных популярных книжках преимущественно религиозного содержания».

В СССР и России наибольшее число разного объема работ, так или иначе связанных с историей чешского литературного языка и затрагивающих его состояние в XVII–XVIII вв., было написано выдающимся отечественным богемистом А.Г. Широковой. Еще в 1954 г. она опубликовала статью под названием «К вопросу о различии между чешским литературным языком и народно-разговорной речью», в которой дала недвусмысленно негативную характеристику состояния чешской литературы и литературного языка в период после Белой Горы. Эта характеристика побелогорского периода в истории Чехии, данная с опорой отчасти еще на прежнюю российскую традицию, но в большей степени на вывод Б. Гавранека «об упадке литературного чешского языка» в эту пору, сохранялась в том или ином виде и в ряде последующих работ А.Г. Широковой, подвергаясь, однако, модификации (в некоторых из них, в частности, не используется понятие «упадок»).

В начале XXI в. в публикациях некоторых российских богемистов появляется более выверенная трактовка состояния чешского литературного языка в побелогорскую эпоху. Значительный интерес в этом отношении представляет ряд новых работ Г.П. Нещименко, особенно ее статья 2003 г. «Великий чешский ученый Йозеф Добровский». При характеристике языка изучаемой эпохи автор избегает понятия «упадок», ограничиваясь утверждением, что «в целом употребление чешского языка было маркировано

как социально, так и в коммуникативном отношении: он использовался прежде всего как средство бытового общения простого народа, главным образом крестьянства». Г.П. Нецименко дает также тщательный анализ причин, побудивших Й. Добровского и его последователей отказаться при кодификации литературного языка Нового времени от опоры на живой узус.

Важно отметить, что, несмотря на относительно небольшое число российских исследований по данной проблематике, в некоторых из них явственно прослеживается тенденция к постепенному пересмотру ряда традиционных представлений и отказу от укоренившихся стереотипов, что позволяет прогнозировать дальнейшую плодотворную разработку этой темы с новых позиций также и в российской лингвистике.

Глава 2 «Фонетические особенности языка чешских литературных текстов XVII–XVIII веков» описывает распространение в изучаемых литературных памятниках фонетических явлений живого языка, которые возникали в нем еще в древнечешский период, однако лишь в незначительной мере проникали в письменный узус добелогорского периода. В течение же XVII–XVIII вв., когда язык письменности стал постепенно сближаться с живой устной речью, эти фонетические особенности, несомненно, характерные для повседневного языка авторов, стали отражаться ими также в письменных текстах. Порой речь идет лишь о единичных примерах проникновения таких элементов, но в ряде случаев оно, напротив, приобретает системный характер.

1) Дифтонгизация начального долгого *ú* в *ou*. В большинстве обследованных текстов количество примеров с отражением дифтонгизации начального долгого *ú* в *ou* типа *ouřad*, *oušet*, *oudolí* значительно превосходит количество примеров с сохранением исконного *ú*. При том, что в некоторых текстах слова с начальным *ú* (или *ou*) встречаются лишь sporadически, даже они подтверждают общую тенденция к вытеснению форм с исконным долгим гласным новыми дифтонгизированными формами.

2) Изменение долгого *ú* в *ej*. Процентное соотношение старых и новых форм показывает, что число примеров с отражением дифтонгизации *ú* в *ej* во

всех текстах на порядок ниже, чем число примеров с исконным *ý* (в некоторых текстах дифтонгизация не отражена вообще). Тем не менее примерами с дифтонгизацией нельзя пренебрегать, поскольку они фиксируют постепенное проникновение описываемого явления из живой речи авторов в письменный узус. При этом в распределении старых и новых форм просматривается вполне определенная тенденция лексической и стилистической дифференциации. Так, можно заметить, что в большинстве исследуемых текстов число примеров с *ej* в основе слова в несколько раз превосходит число примеров с *ej* во флексиях. Это свидетельствует о постепенной лексикализации слов с *ej* в корне (в лексемах *sejr*, *vejška*, *mlejn* и др.) или в префиксе (приставка *vej-*); что же касается примеров с дифтонгизацией во флексиях (*-ej*, *-ejch*, *-ejm*), они количественно преобладают только в текстах, имеющих ярко выраженную разговорную стилистическую окраску (интермедии Фр. Коцманека, фрагмент проповеди Фр. де Вальдта).

3) Изменение долгого *é* в *í*. Проведенный анализ показывает, что наибольший процент примеров с новой огласовкой *í* (преимущественно в окончаниях прилагательных) представлен в гомилетических текстах. Можно предположить, что авторы побелогорского периода воспринимали изменения в окончаниях прилагательных (была ли это дифтонгизация *í > ej* или «сужение» *é > í*) как элементы разговорного языка, неуместные в письменном тексте. Только в проповедях, первоначально представлявших собой произведения устного жанра, допускалось употребление таких форм (*tři zlatý*, *jakýhos*, *svýho milýho*), употребляемых скорее всего в целях создания эффекта непринужденного общения между проповедником и слушателями. Что же касается примеров с «сужением» *é > í* в корне, они свидетельствуют о постепенной лексикализации таких слов (*dýlky*, *vylítáme*).

4) Протетический *v* перед *o* в начале корней. Анализ памятников показывает, что проникновение протетического *v* перед *o* в письменный узус было очень ограниченным. Скорее всего это связано с тем, что побелогорские авторы, будучи, несомненно, знакомы с данным фонетическим явлением в

речевой практике, воспринимали его как слишком разговорное или даже просторечное, а следовательно, неуместное в письменном тексте. Большинство слов с начальным *vo-*, появляющихся в изучаемых текстах, обнаруживает признаки лексикализации. Так, в «Опытном поучении...» В.Э. Ленгарта во всех 35 примерах с протезой выступают одни и те же слова: *vorat* (и однокоренные), *volše* и *voskeruše*. Вариантов этих лексем без протезы в тексте нет. Только в интермедиях Фр. Коцманека обнаруживается значительное число примеров с протетическим *v*, которые едва ли можно назвать лексикализованными, типа *vobyčej*, *vokruží* и даже *votec*. Скорее всего речь здесь идет о стилизации под живую речь крестьян и мещан в целях создания эффекта соответствующей языковой среды.

5) Упрощение групп согласных и другие комбинаторные явления.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что упрощение групп согласных и другие комбинаторные изменения отражаются в рукописных и печатных памятниках побелогорского периода фрагментарно. Достаточно часто в текстах встречаются лишь формы настоящего времени глагола *býti* без начального *j* (*sem*, *ste* и др.); также четко прослеживается лексикализация числительного *čtyry* с диссимилятивной утратой *ř*. Прочие случаи упрощения групп согласных и комбинаторные явления представлены в изучаемых текстах лишь единичными примерами, которые не могут быть статистически значимы. Скорее всего это связано с тем, что авторы XVII–XVIII вв., знакомые с более старой орфографической нормой, старались не отходить от нее. Только в тех случаях, когда необходимо было сделать акцент на том, что слово должно звучать как в устной речи, авторы текстов прибегали фактически к фонетической записи. Примеры другого рода представляет поэтический язык, где следование стихотворному размеру имело большее значение, нежели соблюдение традиционной письменной нормы. В связи с этим случаи упрощения групп согласных и прочие комбинаторные изменения наблюдаются в побелогорской поэзии намного чаще: *Upads* (< *upadl jsi*) *dolu, nechej ležet / kloboučku červeného; / Vem* (< *vezmi*) *bully tvé a vandruj dál, / až do světa druhého*).

6) Эпентетические согласные в сочетании *dln*. Изучение текстов XVII–XVIII вв. показывает, что проникновение эпентетического *d* в суффикс *-teln-* с распространением сочетания *dln* на другие лексемы, известное и ранее, оставалось характерной особенностью чешского языка побелогорского периода, затрагивающей не только его фонетическую, но и словообразовательную систему. Данные Чешского национального корпуса также подтверждают некогда системный характер этого явления, вытесненного из литературного языка в результате кодификации XIX в. Можно предположить, что причиной его устранения была ориентация кодификаторов на другие славянские языки (прежде всего на русский).

7) Количественные изменения гласных. При обследовании текстов XVII–XVIII вв. были зафиксированы некоторые случаи сокращения долгих гласных (*zpivaji, radiš, utikaje, ztlustl*). Эти изменения не носят системного характера и часто могут быть объяснены влиянием диалектов, носителями которых являлись авторы или издатели текстов; в ряде же случаев сокращение вообще не удается объяснить с точки зрения исторической фонетики чешского языка. Так как сокращение долгих гласных лишь изредка получало отражение в печатных/рукописных текстах, оно никоим образом не могло повлиять на развитие фонетической системы литературного чешского языка.

Продление кратких гласных в чешских текстах XVII–XVIII вв. также отражается достаточно редко и, как правило, не носит системного характера. Лишь для некоторых памятников характерны индивидуальные фонетические особенности, связанные с продлением гласных. Так, в тексте постиллы «Троякий хлеб небесный...» М. Дамасцена наблюдается систематическое продление гласного *i* в окончании им. п. мн. ч. существительных (*mladenci, řemeslníci, řeholníci*). Данная тенденция может быть обусловлена влиянием диалекта автора, вероятно, юго-западночешского. С другой стороны, в некоторых случаях отражается давняя долгота гласного в формах, для которых кодифицированный впоследствии вариант с краткостью является более поздним (например, *nazůveš, zůvete, béře*).

Результаты изучения фонетических особенностей литературного чешского языка побелогорского периода позволяют заключить, что эта система представляла собой весьма стройное образование, в основе которого лежала фонетическая система литературного языка предшествующей добелогорской эпохи. Тем не менее в XVII–XVIII вв. данная система претерпела некоторую трансформацию, связанную с последовательным (*ú > ou* в начале слова) или частичным (*ý > ej, é > í, vo-* в начале корней) проникновением в нее элементов живого языка. Необходимо подчеркнуть, что степень проникновения подобных элементов в чешские тексты изучаемого периода тесно связана с их жанровой и стилевой дифференциацией.

Глава 3 «Морфологические особенности языка чешских литературных текстов XVII–XVIII веков» посвящена изучению динамики морфологической системы чешского литературного языка XVII–XVIII вв., которая развивалась в целом в русле нарастающего действия процессов аналогии и унификации именных и глагольных флексий, вследствие чего к концу этого периода она уже весьма значительно отличалась от «высокой» нормы XVI в. Многие из морфологических новаций изучаемого периода, проникшие тогда в письменный язык, но в XIX в. устраненные из литературной нормы архаизирующей кодификацией, были вытеснены в сферу обиходно-разговорного чешского языка. С другой стороны, некоторые явления, напротив, быстро вышли как из письменного, так и из устного употребления. В ряде же случаев продолжала сохраняться конкуренция морфологических форм, которая в разной степени характеризует литературный и обиходно-разговорный чешский язык и в наши дни. Следует отметить, что среди рассматриваемых особенностей морфологической системы присутствуют и периферийные для нее явления, характеризующиеся низкой степенью релевантности, которые тем не менее важны для всесторонней характеристики данной системы.

1) Конкуренция флексий родительного падежа множественного числа существительных мужского рода. Как показывают результаты исследования, соотношение примеров со старым (*-iv*) и более новым (*-i*) окончанием род. п.

мн. ч. существительных мужского рода может варьироваться от текста к тексту. В одних текстах примеры с окончанием *-ův* вообще не встречаются, в других они лишь единичны, а в некоторых их даже больше, чем примеров с *-ů*. В этом просматривается определенная закономерность: преобладание той или иной флексии оказывается обусловлено жанровыми и стилистическими факторами. В текстах более высокого стиля процент примеров с сохранением флексии *-ův* выше, чем в текстах, написанных в более низком стиле (ср. *darův, králův, pánův* в «Акте» Фр. Коцманека, но *krejcarů, volů, votrubů* в его же интермедии).

2) Унификация флексий с показателем *-ma* в творительном падеже множественного числа всех склоняемых частей речи. Обследование текстов дает основания заключить, что хотя унификация флексий на *-ma* в тв. п. мн. ч. склоняемых частей речи находила отражение далеко не у всех авторов, такие флексии все же постепенно проникали в письменную речь из разговорного узуса. При этом памятники побелогорского периода позволяют проследить ход развития данной инновации. Основываясь на материале текстов XVII–XVIII вв., можно предположить, что окончание *-ma* утверждалось в форме тв. п. мн. ч. слов разных частей речи не одновременно. Вероятно, первоначально оно распространялось от числительного *dva / dvě* с формой тв. п. *dvěma* или более новой *dvouma* на другие числительные (*tři, čtyři*, но также, например, *sedm*), а затем на адъективалии, тогда как существительные все еще употреблялись в исконных формах или – для имен мужского и среднего рода – с проникшей ранее вместо *-y/-i* флексией на *-mi* (по крайней мере в письменном языке), например, *s dvouma wyzdwiženyma prsty, železnýma zubami*. Распространение окончания *-ma* на существительные всех родов, по-видимому, представляло собой следующий этап. В изученных текстах XVIII в. число примеров употребления этого окончания у всех слов в именной группе, а также у одиночных существительных постепенно возрастает: ср. *přede žněma, s troubama a z bubnama, ginyma lehkomiflnoftma* и др.

3) Флексия им. п. мн. ч. *-ové* у неодушевленных существительных мужского рода. Неодушевленные существительные с окончанием *-ové* в им. п.

мн. ч. встречаются в памятниках побелогорского периода скорее спорадически, причем только в текстах высокого стиля (религиозных по содержанию). Исключение составляет текст «Опытного поучения...» В.Э. Ленгарта, в котором зафиксированы 32 примера, отражающие данное явление. Это, впрочем, также связано со специфическим содержанием названного руководства по ведению лесного хозяйства, где многократно повторяющиеся слова *les, strom, kmen, dub* и т. п. получают в им. п. мн. ч. флексию *-ové* почти в 100% случаев. Употребление этой флексии у неодушевленных существительных можно с уверенностью назвать чисто книжным и уже для языка XVII–XVIII вв. в некоторой степени архаичным явлением.

4) Варьирование флексий местного падежа множественного числа существительных. Анализ текстов побелогорского периода позволил выявить в целом лишь немногочисленные примеры аналогического распространения в формах местн. п. мн. ч. существительных мужского, женского и среднего рода разных типов склонения флексий, проникших из других типов, особенно *-ách*. Такие примеры наблюдаются в первую очередь в сочинениях В.Э. Ленгарта и Й. Церегетти (*semenách, neduhách, oučinkách, winicech, ulicech*).

5) Унификация флексий прилагательных и других согласуемых с существительными слов в именительном падеже множественного числа. Число примеров унификации форм им. п. мн. ч. имен прилагательных, местоимений и причастий на *l* в обследованных текстах не слишком велико; больше всего таких случаев зафиксировано в «Истории Хрудимской» Й. Церегетти. При этом даже те примеры унификации, которые имеются в нашем распоряжении, наглядно демонстрируют, что письменный язык XVII–XVIII вв. испытывал значительное влияние старой книжной нормы. Об этом свидетельствуют случаи типа *mnohá léta vysypala se jako prach v povětrí, zmizeli jako mlha před sluncem a ztratili se*, когда в непосредственной близости друг от друга находятся словоформы с унификацией флексий и без нее.

6) Особенности склонения притяжательных прилагательных. Из обследованных памятников притяжательные прилагательные сравнительно

часто встречаются лишь в трех. При этом только в «Истории Хрудимской» Й. Церегети засвидетельствованы краткие их формы мужского рода единственного числа именительного / винительного падежа (*na šfewciw pohřeb, Zuzanin dum*); в остальном здесь, как и в автобиографии К. Хоценского и в «Весьма полезной книжечке...» А. Мюллера притяжательные прилагательные употребляются исключительно в полной форме (*w Hylingrowim dwoře, protj Lehnerowimu domu; woda z boku Krystowého*). При этом заслуживает внимания, что у Й. Церегети и К. Хоценского в функции притяжательных прилагательных часто выступают относительные с суффиксом *-ský* (*Petržlowsky dwur, protj dworu Holubowskýmu* и др.).

7) Особенности склонения числительных. Речь идет прежде всего об особенностях склонения количественных числительных *dva (oba), tři, čtyři*, которые в памятниках побелогорского периода обнаруживают заметную вариативность в формах косвенных падежей. В некоторых из обследованных текстов наблюдается полное вытеснение исконных форм новообразованиями (например, у Й. Церегети и К. Хоценского только *dvouma*, но не *dvěma*).

8) Редукция формы 2 л. ед. ч. глагола ‘быть’ *jsi* > *-s*. Данное явление имело достаточно широкое распространение в побелогорских памятниках независимо от их жанра и стилистики. Оно активно использовалось в поэтических текстах, где такая редукция позволяла авторам соблюдать размер (ср. *upads* < *upadl jsi* с одновременной утратой *l*, что сокращало словоформу до двух слогов). Наибольшее число примеров перехода *jsi* > *-s* зафиксировано в «Весьма полезной книжечке...» А. Мюллера, что обусловлено прежде всего ее содержанием. Поскольку в книге собраны молитвы, произносимые человеком перед смертью, в ней очень часты обращения к Богу, а также к смерти, в которых выступает личное местоимение, слитое с редуцированной формой глагола ‘быть’: *tys*.

9) Употребление вспомогательного глагола *být* при образовании глагольных форм 3 лица прошедшего времени. Несмотря на то, что употребление вспомогательного глагола *být* при образовании глагольных форм

прошедшего времени в 3 лице воспринималось как архаизм еще в XVI в., такие формы встречаются в памятниках чешской письменности вплоть до конца XVIII в., правда, уже только в относительно немногочисленных случаях, где эти образования призваны были подчеркнуть высокий стиль текста (*Chrud jakožto poslušný tak jest učinil*). Появление же форм прошедшего времени с *jest* и *jsou* в низких по стилю и даже вульгарных интермедиях Фр. Коцманека было вызвано скорее потребностями соблюдения размера (восьмисложника: *jestli jsou dobře vorali* и т.п.).

10) Варьирование в формах кондиционала. Анализ текстов показывает, что хотя в побелогорских памятниках и встречаются новые формы 1 л. мн. ч. типа *bysme, bychme* (вместо *bychom*), такие примеры по сути единичны, что свидетельствует о незначительной степени их проникновения из живого языка в письменный. Что же касается архаичных конструкций с придаточными предложениями типа *prosíme tě, bys nás spasil*, то они встречаются несколько чаще, но в большинстве своем в стихотворных текстах, где употребление более короткой формы без союза *a* можно объяснить потребностями соблюдения размера.

11) Варьирование окончаний 1 л. мн. ч. настоящего времени глаголов с презентной основой на -e-. Примеры глагольных форм 1 л. мн. ч. наст. вр. с окончанием *-m* типа *budem, můžem, vinšujem* встречаются довольно редко, в основном в стихотворных текстах, авторы которых могли выбирать более короткую форму для соблюдения размера. В целом же можно сказать, что в побелогорских памятниках в данном отношении достаточно последовательно сохраняется старая литературная норма.

12) Унификация окончаний 3 л. мн. ч. настоящего времени глаголов типа *prosit* и *umět*. Обследованный материал позволил обнаружить единичные примеры распространения окончания *-ejí* из типа *umět* на тип *prosit* только в двух памятниках: *mluvějí, krmějí* в сочинении Биловского «Новый херувим...», *zvoněgi*, а также *stogegi* у Й. Церегетти. Изолированность подобных словоформ дает основания заключить, что и в этом отношении в побелогорских текстах в

целом верно сохранялась старая литературная норма с разграничением типов *prosit* и *umět* в 3 л. мн. ч. наст. вр.

13) Особенности форм инфинитива. Как показывает исследование, новые инфинитивы на *-t* встречаются далеко не во всех изучаемых текстах побелогорского периода. Их почти нет в памятниках XVII в., за исключением стихотворных произведений Фр. Коцманека, где новые формы инфинитива выступают наряду со старыми и где их употребление, по-видимому, было обусловлено необходимостью соблюдения стихотворного размера. Инфинитивы на *-t* отсутствуют и в текстах XVIII в. религиозного содержания, написанных высоким слогом, для которого новые формы были, вероятно, неприемлемы ввиду их разговорной окраски. Только в книгах светского характера, конкретно в сочинениях В.Э. Ленгарта, Й. Церегетти, К. Хоценского, новые формы инфинитива типа *zavřít*, *rozhodit*, *frequentirowat* составляют некоторую конкуренцию старым – впрочем, довольно слабую.

14) Формы кратких страдательных причастий на *-ino*. Подобные формы воспринимались, вероятно, как довольно яркий маркер разговорного языка, поэтому примеры их употребления в побелогорских текстах лишь единичны. Даже в тексте «Истории Хрудимской» Й. Церегетти, язык которой гораздо более демократичен, нежели в остальных исследуемых памятниках, зафиксировано всего несколько таких форм ср. р. и одна довольно необычная полная форма ж. р. *widiná*. Тем не менее присутствие даже небольшого числа подобных примеров в текстах может свидетельствовать об их широком распространении в живой чешской речи того времени.

15) Употребление деепричастий. Материал чешских текстов побелогорского периода свидетельствует о том, что неупорядоченное с точки зрения различения числа и рода употребление деепричастий имело широкое распространение уже в XVII в. При этом, однако, были и авторы, которые по-прежнему корректно употребляли деепричастия в соответствии с гуманистической нормой. Это наблюдается, например, в текстах религиозно-духовного характера (Штейер, Биловский, Дамасцен).

16) Абсолютивное местоимение *jenž*. Анализ побелогорских текстов показывает, что к периоду XVII–XVIII вв. относительное местоимение *jenž* функционировало практически в единственной застывшей форме. Формы *jež*, *ježto* встретились в изученных памятниках только трижды; их употребление, вероятно, было связано с желанием авторов архаизировать текст.

В целом морфологическую систему литературного чешского языка в побелогорский период можно охарактеризовать как достаточно устойчивую. Вместе с тем анализ конкретных морфологических особенностей убеждает в ее динамическом, эволюционирующем характере, так как, с одной стороны, в ней продолжали сохраняться такие архаизмы, как окончание род. п. мн. ч. сущ. м. и ср. р. *-iv* или инфинитивы на *-ti*, а с другой – проявлялись черты живого языка, постепенно проникавшие в письменный текст (например, окончание тв. п. мн. ч. склоняемых слов *-ta*, устранение кратких форм притяжательных прилагательных, унификация форм им. п. мн. ч. согласуемых с существительными слов и т. д.). При этом на выбор тех или иных форм часто оказывала влияние стилистическая и жанровая специфика текста, что свидетельствует об адаптивности и относительной гибкости морфологической системы чешского литературного языка XVII–XVIII вв.

В **Заключении** делаются общие выводы и подводятся итоги проведенного исследования.

Интерпретация состояния литературного чешского языка (и в целом чешской культуры) в XVII–XVIII вв. чешскими и зарубежными – в том числе российскими – учеными с течением времени эволюционировала. В российской славистике тем не менее поныне господствующим остается взгляд на данный период как на эпоху упадка чешской письменности и литературного чешского языка, сложившийся под влиянием концепции Б. Гавранека.

Тезис об упадке чешской книжности в XVII–XVIII вв., выдвинутый в «Истории чешского языка и литературы» Й. Добровским, дал импульс искусственной кодификации новочешского литературного языка, воссозданного с опорой на узус Кралицкой Библии XVI в., а в некоторых аспектах и на более

ранее состояние чешского языка.

В процессе изучения рукописных и печатных текстов, созданных на территории Чехии с середины XVII по конец XVIII в. было установлено, что их язык не демонстрирует состояния «упадка». Этот письменный идиом был в целом единообразен и характеризовался присутствием ряда типичных для него фонетических и морфологических черт, в том числе явлений живой разговорной речи, отличавших его от литературного языка предшествующего периода, с которым он тем не менее обнаруживает преемственную связь. Расхождения по частотности тех или иных фонетических и морфологических явлений и их встречаемости в конкретных текстах, порой значительные, мотивируются их жанровой и стилевой спецификой.

Отмечено, что грамматисты XVI–XVIII вв. большей частью в той или иной степени допускали проникновение в литературный язык элементов живой разговорной речи как стилистически нейтральных.

Таким образом, к концу XVIII в. формировалась новая норма чешского литературного языка путем естественной эволюции старой книжной нормы с постепенным вытеснением наиболее архаичных ее элементов и частичным проникновением фонетических и морфологических особенностей живого чешского языка того времени.

В XIX в. вследствие кодификации, осуществленной деятелями чешского национального возрождения с опорой на грамматику Й. Добровского, наметившееся ранее естественное развитие литературного чешского языка было прекращено. Возврат к архаичной норме времен Кралицкой Библии привел к отрыву новочешского литературного идиома от живых (не только диалектных, но и сложившейся в XIX в. обиходно-разговорной) форм существования языка чешской нации. Указанный отрыв начал сокращаться только в XX в., и процесс этот продолжается до наших дней.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1. Кириллов Ю.В. «Дверями» или «дверьми»: Об ироническом

преодолении стереотипов чешского возрождения у Карела Чапека (лингвистический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 2. 2010. С. 118–126.

2. *Кириллов Ю.В.* Чешский – не только для чехов? К концепции литературного чешского языка в конце XVIII – начале XIX в. // Славянские языки и культуры в современном мире. Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г.). Труды и материалы. М., 2009. С. 157–158.

3. *Kirillov J.* O lingvistických souvislostech Čapkovy bagatelizace tzv. doby temna // Slované jazyky a literatury: hledání identity. Praha – Červený Kostelec, 2009. S. 191–197.

4. *Kirillov J.* K pronikání nářečních prvků ve spisovné češtině v 18. století // Slavistika v moderním světě. Konference mladých slavistů III, říjen 2007. Praha – Červený Kostelec, 2008. S. 281–287.

5. *Kirillov J.* Ke stavu spisovné češtiny v předobrozeném období s přihlédnutím k situaci lužickosrbské // Slavistika dnes: vlivy a kontexty. Konference mladých slavistů II, říjen 2006. Praha – Červený Kostelec, 2008. S. 163–172.

6. *Кириллов Ю.В.* О функционировании чешского литературного языка в период до кодификации Й. Добровского (на примере г. Хрудим) // Актуальные проблемы филологической науки: Взгляд нового поколения: Доклады студентов и аспирантов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. 3. М., 2007. С. 74–82.